

*Енькова Л.П., кандидат психологических наук, доцент,
Дальневосточный федеральный университет*

РОЛЬ АВТОРСКОЙ МАТЕРИНСКОЙ СКАЗКИ В ФОРМИРОВАНИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ Я-РЕБЕНКА

Аннотация: в статье раскрыты закономерности сказочного текста, позволяющие использовать сказку как терапевтический инструмент, влияющий на качество объектных отношений. Раскрыто значение сказки как наиболее эффективного материала, соответствующего особенностям символического мышления детей в работе с ними. Рассмотрены такие значимые характеристики сказочного текста, как «пространство» и «время». Показаны основные бинарные оппозиции детских сказок, написанных в терапевтическом режиме детьми старшего дошкольного и младшего школьного возраста, при заданном терапевтом зачине сказки: жили - были (жил-был). Дано определение авторской материнской сказки, приведены примеры использования авторской материнской сказки. Предложено использование авторской материнской сказки в целях установления и усиления эмоционального контакта матери и ребенка. Показана возможность использования авторской сказки матерью для усиления функций контейнирования и отзеркаливания чувств и мотивов ребенка. Раскрыта возможность авторской материнской сказки, как техники, позволяющей работать с выявленными поведенческими и эмоциональными проблемами ребенка в семье, так и техники в широком смысле обеспечивающей качество объектных отношений, влияющих на формирование образа матери и образа Я-ребенка.

Ключевые слова: терапевтическая функция сказки, авторская материнская сказка, образ матери, образ я-ребенка

Неоспоримое значение сказки для развития ребенка и его адаптации рассмотрено в многочисленных работах психологов. Сказка соответствует мифологическому восприятию мира ребенком, развивает символическое пространство психического. Проекция Я-ребенка на героя сказки позволяет прожить и интериоризировать отношения с внешним миром и стратегии решения жизненных задач. В символическом плане ребенок обретает силу справляться со стрессами повседневности и укрепляет базовую потребность в безопасности мира, что, безусловно, укрепляет силу его «Я». Д. Винникот рассматривает игру, как и любую другую культурную деятельность ребенка как «переходное пространство», которое сохраняет свое значение в течение всей жизни. Для взрослого человека переходное пространство трансформируется в творческую деятельность, способность к внутренним размышлениям и фантазии, определяет его мировоззрение. Иными словами, переходное пространство организует поле внутренней свободы «Я». Сказка как один из способов «вращения» в культуру принадлежит «переходному» пространству в жизни ребенка.

На сегодняшний день значимость, присутствие в жизни ребенка устной сказки как транслирования опыта от матери (отца) к ребенку, по моему мнению, усилилось. Опыт устной сказки (рассказывания) во многих семьях подменяется показу мультипликационных сказок, зачастую и без непосредственного присутствия родителей рядом (без

эмоциональной поддержки и опыта сопереживания). Обстоятельства жизни, в которые помещен ребенок, все более индивидуализируются: воспитание матерью, няня, детский сад, прародители – каждая семья выбирает наиболее удобный и возможный для них способ организации жизни ребенка на ранних этапах его развития. Совместное времяпрепровождение детей и родителей зачастую протекает в разрешении вопроса: чем занять ребенка. Посещение игровых центров, развивающих групп, мультфильмы дома, прогулки оказываются, иногда, неподкрепленными подлинными интимными отношениями матери и дитя. И сказки «на ночь» при занятости родителей не во всех семьях являются семейной традицией. А установка детоцентризма, витающая в современной семейной педагогике, как идея семейного воспитания, оказывается неподкрепленной самой главной составляющей – глубокими любовными отношениями матери, видимыми и понятными для ребенка. Если вспомнить Андре Грина с его концепцией «мертвой матери», где «мертвая мать» может осуществлять все необходимые процедуры ухода, но при этом эмоционально погружена в свою депрессию и в этом, эмоциональном плане, закрыта для ребенка, заставляет его погрузиться в материнскую депрессию и «взять» ее на себя; то семья, в котором неосознаваемая модель воспитания сводится к поощрению/наказанию, раннему развитию и привлечению; где мать рядом, но занята своими внутренними проблемами, где она пропускает значи-

мые для ребенка внутренние движения его души, где она дает слишком мало; безусловно, отличается, но не слишком значительно, от симбиотических отношений «мертвой матери»/ребенка. Да, ребенок получает любовь, но слишком часто переживает себя брошенным и потерянным, ненужным и неопределенным или непонятым в своих чувствах, мотивах, действиях. И, на мой взгляд, для формирования хороших объектных отношений авторская материнская сказка может сыграть значительную роль. Под авторской материнской сказкой я понимаю сказочную маленькую историю, которую мать сочиняет для ребенка, опираясь на его конкретный недавний и эмоционально значимый опыт, и где ребенок является главным героем истории. Такая сказка, по сути, фантазирование по поводу какого-то события, выстроенное согласно основным закономерностям сказочного текста. Отметим наиболее значимые закономерности в контексте создания сказочного текста для ребенка. Ну, во-первых, особый временно-пространственный континуум. По сути дела, время/пространство сказки – это Мир как таковой, но не повседневная среда обитания, а Мир, картография которого размечена бинарными оппозициями (К. Леви-Стросс), и временными (давно-недавно), и пространственными (дом-лес). Каждый элемент оппозиции есть образ-концепт (семиологема), разворачивающий целую сетку отношений с другими оппозициями. Так «дом» - семиологема, развернута в сетке отношений с концептами – тут, безопасность, центр мира (подразумеваемая оппозиция лес – там, опасность, окраина мира). С одной стороны, каждый образ-концепт можно отнести к презентативному символическому типу (через работу воображения, создающего картину в ходе художественного восприятия текста), с другой стороны, дискурсивному символическому типу, воспринятому целостно и несущему художественный смысл (С. Лангер).

Время в сказке не соотносится с реальным временем, оно не определено, «размещено» в Вечности. Авторы сказок также используют приемы, уводящие читателей (слушателей) в это особое время. Вспомним А. Милна : Однажды, давным-давно, кажется в прошлую пятницу.. –так начинается он одну из историй о медвежонке Пухе, в одной фразе вводя неопределенность времени, замедление его и создания сказочного повествования.

Пространство сказки так же не соотносится с пространством сказителя и слушателей; по меткому замечанию Д.С. Лихачева, сказочное пространство сопоставимо с пространством сна. Время и пространство соединяются в непрерывной последовательности событий, где время событийно и определено через последовательность событий, а события организованы главной задачей героя (героини) прохождения пути и получения взрослого могущества.

В качестве иллюстрации приведу авторскую сказку мальчика восьми лет (авторские детские сказки также собраны мной за время практической работы): «Один мальчик очень хотел путешествовать. А так как родители у него умерли, у него появилась эта возможность. Мальчик шел и пришел в лес. Он шел и зашел в середину леса. И увидел замок. Началась гроза. Мальчик зашел в замок. И ждал, когда гроза закончится. Потом он вышел и пошел домой. А дома его встретили родители». Не вдаваясь в подробную интерпретацию, отмечу, что сказка точно отражает и символичность событий, подчиненных задачам внутренней реальности (родители умерли, родители встречаются дома); и событийность, выстраивающую время героя через прохождения им пути; и художественный смысл истории, отражающий движение сепарации/индивидуации. Обращаясь к детским сказкам, хочу отметить, что для прохождения пути автору (и герою) зачастую не требуется, как в народных волшебных сказках ни семи персонажей, определяющих все способы взаимодействия с Другим, ни символизации пространства Нави другим царством; пространство Нави в детских сказках чаще всего символизирует лес. Приведу в качестве примера сказку мальчика пяти лет: «Один мальчик вышел из дома и пошел в лес. Он пришел на опушку, а там собака. Мальчик посмотрел на собаку и пришел домой». Волшебная история, в которой герой совершает свой «подвиг» сепарационного продвижения из «дома», движение, связанное с рисками и необходимостью один на один встречи с неизвестным. Ни одна волшебная сказка не может передать человеку весь опыт стратегий взаимодействия с миром, все отношения, связанные с ключевыми (архетипическими) фигурами, а лишь проживание/переживание множества волшебных историй позволяет знакомству и усвоению такого опыта, выраженного в символической форме. Так и ребенок выражает в своей сказке актуальную задачу, стоящую перед ним и проживает символически. В сказках детей мать иногда оказывается больна или попадает в трудную ситуацию, и спасателем, освободителем выступает в этом случае герой-ребенок. В таких сказках отражена репрезентация образа матери в сознании ребенка, как слабой, беспомощной, требующей защиты и покровительства. С установлением стойких либидинозных привязанностей на стадии се-

паразии/индивидуации ребенок соглашается принимать на себя такие «перевернутые» отношения.

И авторская материнская сказка как терапевтическая техника подобна для меня технике «Каракули» Д.В. Винникота, позволяет устанавливать недостаточные (или утраченные в силу обстоятельств) эмоциональные связи с ребенком, закрывать травмы «недополученной» поддержки и любви.

Преамбулой к рождению этой техники послужили многочисленные консультации мам с детьми, имеющими те или иные невротические симптомы, в которых матери старательно выполняли рекомендации, данные в процессе работы, формально вводили изменения в отношения с ребенком, но медленно продвигались и не понимали сущности феномена концентрации на ребенке как именно этом конкретном ребенке в осуществлении своих функций «зеркала» и «контейнирования». Иногда и «достаточно хорошая» мама испытывает беспомощность, сталкиваясь с поведенческими симптомами ребенка. Так, одна из клиенток испытывала беспомощность относительно стойких симптомов сына: он постоянно убегал от нее на прогулках и постоянно ломал свои любимые игрушки. Проведенный холдинг и придуманная мамой сказка сняли симптомы практически сразу. Сын «почувствовал» границы и смог направить свою агрессию (как символическое сообщение родителям) в конструктивное русло.

Что является значимым эмоциональным опытом для ребенка? По моему мнению, все видимые материнскому взору эмоциональные реакции ребенка значимы. Многие события дня можно превратить в сказочную историю. Возвращенное ребенку событие, где его опыт представлен как важный и дан в символической форме как единственно доступной его символическому мышлению, позволяет укрепить, с одной стороны, «хорошую» репрезентацию матери (мама видит, понимает и держит), так и резепрезентацию Я – самого ребенка. Приведу пример (все примеры сказок носят семейный характер и написаны для внучки); на момент сказки девочке было три с половиной года. «Машин стул»: «Жила-была девочка Маша. У нее в квартире было много красивых вещей: и стол, и стул, и буфет, и диван, и большой шкаф, в который Маша любила прятаться иногда. Даже у Машинной куклы был стол, и стул, и кроватка, и шкаф. Только у куклы мебель была маленькая, в кукольный шкаф Маша не помещалась. Однажды Маша была в парке и подружилась там с лошадкой. Когда Маша пришла домой, она рассказала своей самой верной игрушке – Зайке – как здорово

кататься на лошадке в парке. Какая лошадка красивая: четыре ножки, длинный хвостик и грива. Машин стульчик тоже слушал Машу. И стульчику стало обидно и грустно. Вот хорошо лошадке, Маша про нее рассказывает, ее любит. А меня даже не замечает. А у меня тоже четыре ножки. И решил стульчик побыть лошадкой. И когда Маша села утром на стульчик, чтобы есть кашу, он радостно запрыгал, как лошадка; только иго-го-го говорить не мог. Но Маша испугалась и упала, тарелка с кашей упала тоже. Прибежала мама на кухню и видит: Маша на полу, тарелка разбилась, все вокруг кашей перемазано. «Ай-ай-ай, – сказала мама: Что же ты балуешься за столом?» «Это не я – закричала Маша: Это стульчик сам!». Но мама не поверила. Она навела порядок на кухне, дала Маше новую тарелку каши и осталась с Машей, дожидаться пока дочка позавтракает. Стульчик озадачился: почему Маша не порадовалась, он был как настоящая лошадка. Но на всякий случай весь завтрак вел себя смирно. Маша поела и пошла в комнату рисовать. И, конечно, взяла свой любимый маленький стульчик. Только Маша приготовила краски, обмакнула кисточку в красную краску, как стульчик снова решил покатать хозяйку как лошадка. Он стал перебирать своими ножками. От неожиданности Маша вылила на себя красную краску. И снова пришла мама. «Что такое с тобой сегодня? – удивилась она. Потом мама переодела Машу и села рисовать с ней вместе. При маме стульчик вел себя смирно. А вечером, когда Маша стала готовиться ко сну, она аккуратно сложила свое платье и колготки на стульчик. И тут стульчик подумал: покажу-ка я Маше, как я красиво умею прыгать. И, может быть тогда, она поймет, что я лучше лошадки. И стульчик радостно запрыгал по комнате. Платье, колготки и туфельки, которые стояли рядом со стульчиком на полу – все было вмиг раскидано. Ой-ой, – закричала Маша от удивления. И снова прибежала мама. Она очень удивилась, что машины вещи разбросаны. Все собрала и ушла. И тут Маша спросила свой стульчик: Ты что так шалишь? И стульчик признался: ты так рассказывала про свою подружку лошадку, ее ты любишь и зайку любишь, и мишку любишь, а меня не любишь и не замечаешь. Я хотел быть для тебя лошадкой, чтобы ты и меня любила. «Глупый, – сказала Маша: Как я без тебя? Ты мой верный помощник». Тут пришла мама, она рассказала Маше сказку и спела песенку и Маша уснула. А стульчик стоял смирно и гордился, что он верный машин помощник. И больше не хотел быть лошадкой». В сказке, рассказанной на ночь, отражен недавний опыт прогулки в парке

и реальный опыт падения со стула (тремякратно усиленный, как принято в сказках). Сказка позволяет позитивно принять опыт детской беспомощности в контексте значимости и любви.

В сказках может быть отражен и опыт увиденного и эмоционально пережитого ребенком. Иллюстрацией может послужить сказка, рассказанная на ночь после просмотра мультфильма и дневной игры по мотивам мультфильма. «Мишка и воздушный шар»: «Однажды у Маши появился Мишка. Он был очень хороший, белый пушистый, новенький. И Маша познакомила Мишку с другими игрушками и полюбила с ним играть. Мишка любил шалить, и играть с ним было весело. Как-то раз Маша смотрела мультфильм, и Мишку с собой рядом посадила. И Мишка увидел, как в мультфильме отважные зверята летали на воздушном шаре в путешествие. Ой, как ему захотелось полетать на воздушном шаре. И стал он упрашивать Машу купить ему воздушный шарик и приделать к нему корзиночку, чтобы полетать. «Глупый – сказала Маша: один шарик не поднимет тебя в воздух». «А ты много купи» – не отставал Мишка. И тогда мама, папа и даже бабушка пошли в магазин. Они купили много шаров, их ведь Маша об этом попросила, и принесли их домой. А Маша привязала к шарикам соломенную корзинку и посадила туда Мишку. Когда она отпустила корзинку, шарики поднялись к самому потолку. И Мишка восхищенно кричал: «Ура! Я отважный путешественник на воздушном шаре!» (хотя шаров на самом деле было ужас как много). Но тут в открытое окно пробрался порыв ветра и вынес корзинку с Мишкой на улицу. «Караул! Спасите-помогите!» – закричал испуганный Мишка. Маша, папа, мама выбежали на улицу. Мишка на воздушном шаре мчался высоко в небе, даже почти выше дома. Но тут корзинка зацепилась за ветви большого дерева. Оно было очень высокое. И ни мама, и ни папа не могли залезть так высоко, чтобы достать несчастного Мишку. А он все кричал: Спасите-помогите! И даже немножко охрип от крика. И тут мама вызвала пожарную машину по телефону. Приехала блестящая красная машина, из которой вверх стала подниматься железная лестница. А по лестнице полез отважный пожарный в блестящей каске. Он достал Мишку из корзины, распутал ниточки шариков из ветвей. Шарики с пустой корзиной улетели высоко в небо и потерялись среди облаков. А Мишка с отважным пожарным спустился на землю и прыгнул прямо в руки к Маше. Все сказали пожарным: «спасибо!» и пошли домой пить чай с печеньем. Маша дала украдкой Мишке конфету. Мишка держал в лапках конфету и тихо гордился

своим необыкновенным приключением и огромной суетой вокруг себя. «А все-таки Маша меня очень любит» – думал он». Детство – период, в котором ребенку необходимо вобрать в себя и запомнить огромное количество информации. Повседневное бытие и столь важная ребенку игра не остаются в памяти как связное событие. Доступным воспоминанию становится опыт, во-первых, отраженный и многократно закрепленный в слове; во-вторых, подкрепленный эмоциональными переживаниями. Опыт повседневности, отраженный в словах, и определяет эмоциональную установку ребенка к Миру и себе. Чем больше опыт собственной жизни и удовольствия закреплен в слове, тем лучше он сохранен в памяти как личная история, история Я, история любви. Сказка хороша тем, что она становится любимой для ребенка, ее можно рассказывать многократно; и мы многократно усиливаем этот опыт любви и принятия.

И довербальный опыт ребенка как личную историю можно переписывать, используя сказки. Обращаясь к травме рождения, которая по утверждению О. Ранка оказывается столь травматическим опытом, что в процессе своей последующей жизни человек предпринимает разнообразные попытки преодолеть свой первоначальный страх, а неудачи в реализации этих попыток приводят к возникновению неврозов.

Д. Винникот, употребляя термин «страх распада» (срыв – breakdown), имея в виду страх распада становления единого я (self), отсылает нас помимо различных причин и к травме рождения. Внешнее благополучие скрывает, по меткой метафоре Д. Винникота, «причуды окружения», которое либо компенсирует травму рождения, либо оставляет ребенка наедине с пережитым страхом и пустотой. В самых первых играх малыш переживает и проигрывает страх, связанный с рождением. Напомним, к примеру, первую игру в «прятки», когда ребенок закрывает ладошками глаза, а потом убирает ладошки, испытывая бесконечное удовольствие от перехода во времени своей жизни «меня нет (еще)» к времени «я есть». Переживание удовольствия и есть один из способов преодоления страха. Позитивная коннотация в слове также порождает удовольствие и служит таким же задачам, которые ребенок спонтанно решает в игре. Примером сказки может служить сказка о рождении ребенка: «Жили-были мама и папа. И были они совсем-совсем одни. А им очень хотелось себе маленькую девочку. И тогда мама пошла в специальный волшебный магазин. В магазине она сказала: Пожалуйста, продайте мне маленькую хорошенькую девочку Машу. Продавец пошел в спе-

циальную комнату, где спали маленькие детки, и долго искал девочку Машу. Потом продавец пришел к маме и спросил: может быть, вам подойдет мальчик Сеня или девочка Наташа? Девочки Маши бывают так редко и стоят так дорого. Нет, нет, – сказала мама – я хочу именно девочку Машу. Я так долго собирала деньги, и мне нужна только девочка Маша. Продавец опять пошел в волшебную комнату и стал искать. Наконец в укромном уголке он увидел люлочку, в которой спала маленькая кудрявая девочка Маша. Продавец взял девочку и принес маме. Мама очень обрадовалась, она взяла дочку Машу; принесла домой; выкупала, надела красивую распашонку, положила в кроватку, повесила красивые яркие игрушки, накормила Машу вкусным молоком и стала петь Маше веселые песенки. И с тех пор мама, папа и Маша стали жить вместе». На групповых встречах я прошу клиентов придумать сказку своего рождения, учитывая время и обстоятельства рождения, а затем придумать сказку для своего ребенка. Независимо от возраста ребенка рассказанная дома сказка о рождении вызывает бесконечный интерес; дети возвращаются к ней и просят рассказать ее снова. Хочется отметить, что авторские сказки о рождении разнообразны и точно отвечают обстоятельствам вхождения ребенка в семью. И старшие дети

включаются в эти истории и просят родителей рассказать им персональную сказку, придуманную специально для них. Такие сказки не обязательно откладывать до момента, когда ребенок может «понять» сказочную историю. Обращаясь к одной из психотерапевтических историй, описанных Ильячевым, в которой она описывает сессии, проведенные с девятимесячной девочкой, оставленной матерью в доме малютки. Причиной обращения служащих дома малютки к терапевту послужила не проходящая, несмотря на медикаментозную терапию, экзема. Казалось бы, девочка не в состоянии понять рассказа терапевта о семейной истории, в которой была представлена трудная ситуация рождения, любовь матери и вынужденная необходимость поместить ее в дом малютки. Но симптомы болезни прошли через несколько сессий. Реакции ребенка на слова матери и отца, обращенные к нему еще до его рождения, факт известный в перинатальной психологии. Рассказанные сказки позволяют, с одной стороны, матери сконцентрироваться на ребенке, понять значимость повседневного его опыта, с другой стороны, пережитый совместный опыт общения матери и ребенка, возвращает последнему статус любимого, понятого и отраженного в сказке с любовью.

Литература

1. Винникот Д.В. Игра и реальность/https://bookscafe.net/read/vinnikott_donald-igra_i_realnost-246806.htm
2. Лихачев Д.С. Художественное пространство сказки/ <https://lektsii.org/3-9820.html>
3. Лангер С. Философия в новом ключе/<https://www.kph.npu.edu.ua/>

References

1. Vinnikot D.V. Igra i real'nost'/https://bookscafe.net/read/vinnikott_donald-igra_i_realnost-246806.htm
2. Lihachev D.S. Hudozhestvennoe prostranstvo skazki/ <https://lektsii.org/3-9820.html>
3. Langer S. Filosofiya v novom klyuche/<https://www.kph.npu.edu.ua/>

*Enkova L.P., Candidate of Psychological Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Far Eastern Federal University*

THE ROLE OF THE MOTHER'S OWN FAIRY TALE IN THE FORMATION OF THE REPRESENTATION OF THE SELF-CHILD

Abstract: the article reveals the regularities of the fairy-tale text that allow using the fairy-tale as a therapeutic tool that affects the quality of object relations. The significance of the fairy tale as the most effective material corresponding to the peculiarities of symbolic thinking of children in working with them is revealed. Such significant characteristics of the fairy-tale text as "space" and "time" are considered. The main binary oppositions of children's fairy tales written in the therapeutic mode by children of senior preschool and primary school age are shown, with the beginning of the fairy tale set by the therapist: once upon a time. The definition of the mother's own fairy tale is given, and examples of using the mother's own fairy tale are given. The author suggests using the mother's own fairy tale in order to establish and strengthen the emotional contact between mother and child. The possibility of using the author's fairy tale by a mother to enhance the functions of containerization and mirroring the child's feelings and motives is shown.

Keywords: therapeutic function of a fairy tale, mother's own fairy tale, image of a mother, image of a self-child